ЛЮДИ ИСКУССТВА

РЕЖИССЕРСКАЯ ПАЛИТРА

А. СИЛИН

ПОЧТИ четверть века прошло со дня премьеры «Свадьбы с приданым», поставленной Б. Равенских, но и по сей день в народе поют песни Б. Мокроусова, созданные специально для этого спектакля, и повторяют прибаутки и поговорки сельского балагура Курочкина, которого великолепно играл В. Доронин. Может ли о большем мечтать режиссер?

Истоки «секретов» режиссуры Равенских — в его учителях.

С 1931 года он актер Ленинградского ТРАМа. С 1932-го — студент режиссерского факультета Ленинградского театрального института на курсе профессора В. Н. Соловьева. В 1935 году курсовую работу молодого студента (отрывок из «Кармен» Мериме) посмотрел Мейерхольд и, не дав ему закончить курс, забрал этого «самородка из крестьян» в свой театр, назначил его режиссером-ассистентом и сразу же поручил самостоятельную работу. Три года работы бок о бок с «мастером» наложили свой отпечаток на всю дальнейшую деятельность Равенских. Именно от Мейерхольда пришла страсть к ярким мизансценам и ненависть к бытовой, «бормотальной» манере актерской игры; от Мейерхольда — неожиданность пространственных решений и поразительное умение находить для литературного образа эквивалентную ему пластическую метафору; и, наконец, что, наверное, является самым главным — точное и четкое ощущение времени, его насущных проблем.

Последующие десять лет молодой режиссер проработал в Московском театре имени К. С. Станиславского под непосредственным руководством одного из лучших знатоков и преподавателей системы Константина Сергеевича — М. Н. Кедрова, постигая самые сокровенные «секреты» работы с актером. Это были годы становления режиссера, годы первых самостоятельных спектаклей, первых творческих радостей и побед. До сих пор иногда еще приходится слышать мнение, что Равенских, дескать, — режиссер, которому не нужны актеры-творцы, что он ищет только внешнее постановочное решение спектакля. Это ошибочное мнение. Те, кто сделал с ним хотя бы одну роль, наверняка помнят и предельно острые, даже язвительные по форме, но всегда абсолютно точные, образные «подсказы» Равенских, и его искрометные вдохновенные «показы». А те, кому пришлось «вводить» в спектакли, поставленные Равенских, новых исполнителей, знают, какой это тяжелый, подчас безнадежный труд, ибо роль всегда решена на конкретного, данного актера с учетом максимального использования присущих ему и только ему данных.

Сочетание выразительных и образных театральных построений, свойственных Мейерхольду, с углубленным психологическим анализом школы Станиславского, переплавившись в творчестве Равенских, привело к возникновению некоего нового качества, составляющего его режиссерскую индивидуальность, самобытность, непохожесть. Однако сам Равенских считает своим основным учителем, оказавшим наибольшее влияние на все его творчество, человека, с которым непосредственно никогда не работал, да и знаком был лишь издали, — великого советского кинорежиссера Александра Довженко.

Все краски режиссерской палитры Равенских — поэтическое видение мира: романтическая приподнятость образов; подчеркнутый лиризм и музыкальность; любовь к страстному, темпераментному («пламенному», как он сам говорит) выявлению характера; обостренное чувство юмора; народность, и, главное, яркая, открытая публицистичность, партийность, — все это невольно заставляет проводить параллели с творчеством основателя «поэтического кино».

Борису Равенских всегда была ближе та грань социалистического реализма, которую Горький назвал «революционной романтикой». Даже в произведения сугубо натуралистические, трагически-безысходные по содержанию и конкретно-бытовые по форме он привносит элемент поэзии, надежды, светлой мечты. Вспомним его знаменитые «наплывы» — воспоминание о «чугунке» в одной из самых замечательных его работ — во «Власти тьмы», выход героев на Воробьевы горы в финале «Дней нашей жизни».

Вот один очень показательный для всего творчества Равенских пример.

В 1964 году в Театре имени Пушкина состоялась премьера спектакля «Поднятая целина» — по второй части знаменитого романа. Сочную, всегда заземленную, очень конкретную ткань прозы М. Шолохова режиссер перевел в план приподнято-романтической, поэтической трагедии. Наверное, все помнят, как описана у Шолохова сцена смерти Тимошки Рваного, который приходит темной ночью к пустой хате Лушки, откуда Нагульнов и Разметнов двое суток назад увезли хозяйку.

В спектакле Равенских эта сцена была решена во многом по-своему. Лушку запирали здесь же, в собственной хате, так что зритель мог параллельно с основным действием видеть все, что происходило внутри дома. А на сцене была светлая ночь — полная луна ярко освещала огромную степь, изрытую дорогами и оврагами, посреди которой, не прячась, ждал Нагульнов своего кровного врага...

Тишина. Только звенят цикады, только Лушка мечется по горнице, да время от времени вспыхивает цигарка Макара. Но вот где-то далеко начинает играть гармонь, та самая, которую реквизировали у Тимошки при раскулачивании. Услышав ее, разом напрягаются в ожидании и Лушка, и Макар. Пауза, томительная пауза ожидания, и... вот слева, наверху появляется он, Тимофей, и замирает на секунду во весь рост в свете луны. Да, это действительно первый парень на деревне — в вышитой белой косоворотке, с волнистым чубом, с нагловатой усмешкой. Скользящим шагом ночного хозяина станицы, легко поигрывая обрезом, он двинулся к дому возлюбленной, а она, не услышав — почуяв его появление, кинулась навстречу и повисла на запертой двери. Тимофей видит замок — опасность! Но все тихо вокруг, лишь гармонь звучит все ближе, все громче, все тревожнее... «Лушенька!» — едва слышно шепчет он и слышит в ответ из-за двери сдавленный, хриплый шепот — «Тимоша!». И забыв обо всем, кидается он на дверь, прикладом пытаясь сбить замок, а по ту сторону двери сползает медленно наземь разом ослабевшая Лушка. С наганом в опущенной руке стоит на дороге Нагульнов и смотрит, как ломится в его хату, к его бывшей жене этот красавец-парень — враг. И в ту минуту, когда слетает с петель замок, раздаются медленные тяжелые слова: «Повернись... лицом... к смерти... гад!..» Пауза... Смолкли цикады, захлебнулась гармонь... Одновременно вскидывается рука с обрезом и рука с наганом, звучат одновременно два (два!) выстрела... И непонятно: попал — не попал... убил — не убил... кто кого... Но вот падает из руки обрез, пронзительно рванула плясовую гармонь, и лихим, отчаянным танцем идет Тимофей к Нагульнову, не сдавшийся даже сейчас, в смерти, и в последнем, самом яростном «коленце» вдруг с размаху, как подрубленное дерево, рушится к ногам победителя. В этот момент смолкает (теперь уже навсегда) гармонь, и с криком, вывернувшись лицом вниз, замирает в позе безысходного горя Лушка...

Думается, сцена эта, не самая главная в спектакле, очень показательна для режиссерского почерка Равенских.

Самые большие творческие успехи Равенских, как правило, связаны с постановкой советских пьес, с воплощением на сцене героических и романтических характеров пламенных революционеров. Таковы спектакли, составившие своеобразную трилогию о зарождении, упрочении и становлении Советской власти. В трилогию вошли «Драматическая песня» М. Анчарова и Б. Равенских, созданная по мотивам романа «Как закалялась сталь» и биографии Островского, «Поднятая целина» Шолохова и «Метель» по пьесе Леонида Леонова, которая спустя четверть века после того, как была написана, пережила свое сценическое рождение в постановке Бориса Равенских. Каждый из этих спектаклей имел обширную прессу, был отмечен множеством похвал и наград, и все же, на мой взгляд, все они вместе, в их совокупности еще недостаточно оценены нашей критикой. И хотя поставлены они были в разные годы и не в той последовательности, в какой здесь перечислены, но в сознании видевших их они уже давно составляют некое триединство, сценический триптих о коммунистах первого призыва, о несгибаемых большевиках-ленинцах. Эти спектакли — подлинная песнь о революции.

Но песнь о революции, понятно, не может быть завершена без спектакля о наших днях. Дело за драматургией. Сейчас трудно назвать пьесу, которая по своему художественному уровню могла бы встать в один ряд с перечисленными, но если такая пьеса появится, то я точно знаю, кто поставит по ней отличный спектакль. Им будет народный артист Советского Союза Борис Иванович Равенских.

Фото С. Ветрова.